

*Посвящается моей бабушке
Бетти Макки*

Глава 1

Здоровяк в дальнем углу бара обливается потом. Он сидит, низко склонившись над стаканом с двойным виски, и то и дело оглядывается на дверь. В безжалостном электрическом свете его покрытое испариной лицо влажно блестит. Он маскирует прерывистое дыхание тяжелыми вздохами и снова возвращается к своему напитку.

— Эй, можно вас?

Я поднимаю глаза от бокала, который старательно вытираю.

— Нельзя ли повторить?

Мне хочется сказать ему, что это не самая хорошая идея и выпивка вряд ли поможет. От нее будет только хуже. Но он крупный парень, до закрытия осталось пятнадцать минут, и по правилам нашей компании я не могу отказать клиенту. Поэтому я подхожу к нему, забираю его стакан и подношу к глазам. Он кивает на бутылку.

— Двойной, — говорит он, смахивая мясистой рукой пот с лица.

— Семь фунтов двадцать пенсов, пожалуйста.

Вечер вторника, без четверти одиннадцать, место действия — ирландский тематический паб в аэропорту Лондон-Сити под названием «Шемрок и клевер», который имеет такое же отношение к Ирландии, как Махатма Ганди. Бар закрывается через десять минут после отправления последнего самолета, и на данный момент, кроме меня, здесь только серьезный молодой человек с ноутбуком, две веселые дамочки за столиком номер два и мужик с двойным «Джемисоном» — пассажиры задерживающихся на сорок минут рейсов SC 107 на Стокгольм и DB 224 на Мюнхен.

Я на боевом посту начиная с полудня, так как у моей сменщицы Карли прихватило живот и она отпросилась домой. Вообще-то, я не против. Я спокойно задерживаюсь допоздна. Тихонько мурлыча себе под нос мелодию из «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий, я подхожу к столику номер два забрать стаканы у женщин, рассматривающих подборку фото на телефоне. Судя по несдержанному смеху, обе под хорошим градусом.

— Моя внучка. Пять дней от роду, — сообщает мне высокая блондинка, когда я наклоняюсь за ее стаканом.

— Прелесть, — улыбаюсь я.

Все младенцы для меня на одно лицо.

— Она живет в Швеции. Я там еще ни разу не была. Как-никак, но все же надо повидаться со своей первой внучкой, а?

— Мы обмываем ножки малышки. — (Очередной взрыв хохота.) — Может, выпьете с нами за ее здоровье? Ну давайте же! Расслабьтесь хоть на пять минут. Вдвоем нам эту бутылку ни за что не осилить.

— Упс! Нам пора! Пошли, Дор.

Увидев сообщение на табло, они собирают пожитки и нетвердой походкой, что заметно, наверное, только мне, направляются к выходу.

Я убираю их стаканы на барную стойку и зорко оглядываю зал в поисках грязной посуды.

— Неужели вам никогда не хотелось? — Женщина, что пониже, оказывается, вернулась за паспортом.

— Простите?

— После окончания смены пройти вместе со всеми на посадку. Сесть на самолет. Мне бы точно хотелось. — Она снова смеется. — Каждый чертов день, будь он неладен!

Я отвечаю им профессиональной улыбкой, способной скрыть что угодно, и поворачиваюсь к барной стойке.

А вокруг уже всюю закрываются на ночь магазины беспощинной торговли, опускаются стальные жалюзи, пряча от посторонних глаз дорожные сумки и шоколадки «Тоблерон» для экстренных подарков. Мерцают и потихоньку гаснут огни у выходов 3, 5 и 11, направляющих в ночное небо последних путешественников. Конголезка Вайолет, местная уборщица, слегка раскачиваясь при ходьбе и поскрипывая резиновыми подошвами туфель, толкает мне навстречу по сияющему линолеуму свою тележку.

— Вечер добрый, дорогуша.

— Вечер добрый, Вайолет.

— Милочка, не дело засиживаться здесь допоздна. Тебе надо быть дома рядом с теми, кого любишь, — каждый раз слово в слово повторяет она.

— Да нет, сейчас не так уж и поздно, — каждый раз слово в слово отвечаю я.

Она одобрительно кивает и катит тележку дальше.

Серьезный Молодой Человек с Ноутбуком и Потный Любитель Скотча ушли. Я заканчиваю со стаканами и закрываю кассу, дважды пересчитывая деньги, чтобы наличность в кассе совпала с пробитыми чеками. Я делаю пометки в гроссбухе, проверяю пивные насосы, отмечаю продукты, требующие дозаказа. И тут неожиданно обнаруживаю куртку толстяка на барном стуле. Подхожу поближе и поднимаю глаза на монитор. Ага, вот-вот начнется посадка на рейс до Мюнхена, если я, конечно, готова бежать за владельцем куртки. Я снова смотрю на монитор и медленно подхожу к мужскому туалету.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Голос, что слышится в ответ, слегка задушенный, с истерическими нотками. Толстяк, низко склонившись над раковиной, плещет себе в лицо водой. Вид у него — краше в гроб кладут.

— Что, уже объявили посадку на мой рейс?

— Посадка только начинается. У вас еще в запасе пара минут.

Я собираюсь уходить, но что-то меня останавливает. Мужчина буравит меня горящими от волнения бусинками глаз. Затем качает головой.

— Нет, я не могу это сделать, — говорит он, хватая бумажное полотенце и вытирает лицо. — Не могу подняться на борт самолета. — (Я терпеливо жду.) — Мне надо лететь на встречу с новым боссом, а я не могу. И я не решился сказать ему, что боюсь самолетов. — Он покачал головой. — Ужасно боюсь.

Я закрыла за собой дверь.

— А в чем заключается ваша новая работа?

— Э-э-э... — моргает он. — Автозапчасти. Я новый старший менеджер по запчастям для тормозов в «Хант моторс».

— Похоже, классная работа. Значит, у вас есть... тормоза.

— Я уже давно в этом деле. — Он с усилием сглатывает. — Вот почему я не хочу сгореть в огненном шаре. Я реально не хочу сгореть в парящем в воздухе огненном шаре.

Меня так и подмывает сообщить ему, что это будет скорее падающий, нежели парящий в воздухе огненный шар, но я вовремя прикусываю язык. Он снова споласкивает водой лицо, и я подаю ему еще одно бумажное полотенце.

— Благодарю. — Он опять прерывисто вздыхает и выпрямляется, явно пытаясь взять себя в руки. — Спорим, вам еще не доводилось видеть, чтобы взрослый мужик вел себя как форменный идиот, да?

— По четыре раза на дню. — (Его крошечные глазки становятся совсем круглыми.) — По четыре раза на дню мне приходится выуживать кого-нибудь из мужского туалета. А причина у всех одна: боязнь летать. — (Он удивленно моргает.) — Но, видите ли, как я не устаю повторять, ни один самолет, вылетевший из этого аэропорта, еще ни разу не потерпел крушения.

От неожиданности мужчина даже втягивает шею в воротничок рубашки.

— Да неужели?

— Ни один.

— И даже никакой... самой маленькой аварии на взлетной полосе?

Я решительно качаю головой:

— На самом деле здесь тоска зеленая. Люди улетают по своим делам и через пару дней возвращаются. — Я спиной пытаюсь открыть дверь. К вечеру в этих уборных запашок ой-ей-ей. — Да и вообще, лично я считаю, что с вами могут случиться вещи и похуже этого.

— Ну, полагаю, вы правы. — Он обдумывает мои слова и осторожно косится на меня. — Значит, четыре раза на дню, так?

— Иногда даже чаще. А теперь, с вашего позволения, мне действительно пора назад. А то, не дай бог, решат, будто я что-то зачастила в мужскую уборную. — (Он улыбается, и я вижу, каким он может быть при других обстоятельствах. Энергичный человек. Жизнерадостный человек. Человек, отлично руководящий поставками импортных автозапчастей.) — Знаете, мне кажется, уже объявили посадку на ваш рейс.

— Так вы считаете, со мной все будет в порядке.

— С вами все будет в порядке. Это очень безопасная авиалиния. Считайте, что вы просто вычеркнули из жизни пару часов. Смотрите, SK 491 приземлился пять минут назад. И когда вы пойдете к нужному вам выходу, то непременно встретите стюардов и стюардесс с прибывшего борта. Вот увидите, они будут беззаботно смеяться и болтать, ведь для них полет на самолете — все равно что поездка на автобусе. Некоторые из них делают по два, три, четыре рейса в день. Они ведь не полные идиоты. Если бы было небезопасно, стали бы они рисковать, а?

— Все равно что поездка на автобусе, — повторяет он за мной.

— Только гораздо более безопасная.

— Это уж точно. — Он поднимает брови. — На дороге полным-полно придурков. — Я киваю, а он поправляет галстук. — И это классная работа.

— Стыд и позор, если вы упустите ее из-за такой ерунды. Главное — сделать первый шаг, а потом вы привыкнете.

— Очень может быть. Благодарю вас...

— Луиза, — подсказываю я.

— Благодарю вас, Луиза. Вы очень добрая девушка. — Он вопросительно смотрит на меня. — А как насчет того... чтобы вы согласились... как-нибудь со мной выпить?

— Я слышу, объявляют посадку на ваш рейс, сэр. — Я открываю дверь, пропуская его вперед.

Он кивает и, чтобы скрыть неловкость, с шумом хлопает себя по карманам:

— Все верно. Конечно. Ну... я пошел.

— И не забывайте о тормозах.

А буквально через две минуты после его ухода я обнаружила, что он заблевал третью кабинку.

Домой я возвращаюсь в четверть второго. Стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале лифта, я захожу в притихшую квартиру. Переодеваюсь в пижамные штаны и толстовку с капюшоном, открываю холодильник, достаю бутылку белого вина, наливаю в бокал. Вино такое кислое, что больно губам. Изучив этикетку, я понимаю, что забыла заткнуть бутылку пробкой, но затем решаю особо не заморачиваться по этому поводу и с бокалом в руке плюхаюсь в кресло.

На каминной доске две открытки. Одна — поздравление с днем рождения от родителей. «Лучшие пожелания» от мамы для меня точно нож острый. Вто-

рая открытка от сестры. Сестра сообщает, что собирается приехать с Томасом на уик-энд. Открытка шестимесячной давности. На автоответчике два сообщения. Одно от дантиста, другое — нет.

Привет, Луиза. Это Джаред. Мы встречались в «Грязной утке». Ну, мы с тобой тогда еще перепихнулись. (Сдавленный неловкий смешок.) Это было... ну ты понимаешь... В общем, мне понравилось. Как насчет того, чтобы повторить? У тебя есть мои координаты.

Когда в бутылке ничего не остается, я прикидываю, не сбегать ли за новой, но очень не хочется выходить из дому. Не хочется в очередной раз выслушивать шуточки Самира из круглосуточного магазинчика насчет моего пристрастия к «Пино гриджио». Да и вообще, не хочется ни с кем разговаривать. Внезапно на меня накатывает смертельная усталость, но при этом я настолько перевозбуждена, что даже если и лягу в постель, то все равно не усну. Я вдруг вспоминаю о Джареде, в частности о том, что у него странная форма ногтей. И с чего это меня вдруг стали волновать чьи-то странные ногти? Я обвожу глазами голые стены гостиной и неожиданно понимаю, что мне срочно нужно на свежий воздух. Реально нужно. Я поднимаю в коридоре окно и неуверенно карабкаюсь по пожарной лестнице на крышу.

Когда девять месяцев назад я появилась в этом доме, риелтор показал мне устроенный предыдущими жильцами террасный садик с тяжелыми кадками для растений и маленькой скамейкой.

«Естественно, официально сад не может считаться вашим, — сказал он. — Но только из вашей квартиры

имеется выход на крышу. По-моему, очень даже мило. Вы даже сможете устраивать здесь вечеринки».

Растения давным-давно засохли и погибли. Что ж, я действительно не умею ухаживать за вещами. И вот я стою на крыше и смотрю на подмигивающую мне лондонскую тьму. Миллионы людей вокруг меня живут своей жизнью: едят, ссорятся и так далее. Миллионы жизней, протекающих отдельно от моей. Странный непрочный мир.

Звуки ночного города пронизывают воздух, мерцают натриевые фонари, режут моторы, хлопают двери. В нескольких милях к югу слышится отдаленный гул полицейского вертолета, обшаривающего лучом прожектора местный парк в поисках очередного негодяя. А где-то вдаль воет сирена. Вечная сирена. «Вы очень быстро почувствуете себя здесь как дома», — сказал мне тот риелтор. Я чуть было не расхохоталась ему прямо в лицо. Как тогда, так и сейчас, город казался мне чужим и враждебным.

После секундного колебания я ступаю на карниз, раскинув в сторону руки, как подвыпивший канатоходец. Я иду по бетонному выступу шагом «пятка к носку», а легкий ветерок щекочет волоски на руках. Переехав в эту квартиру, я в трудные минуты жизни иногда решалась пройти по карнизу вдоль всей квартиры. И в конечной точке громко смеялась, глядя в ночное небо. *Вот видишь? Я здесь — по-прежнему живая — прямо на краю. Я делаю то, что ты мне велел!*

Это стало моей тайной привычкой. Я, небесная линия города, уютный покров темноты, абсолютная анонимность и осознание того, что здесь никто не знает, кто я такая. Я поднимаю голову, ветер овеивает лицо, внизу слышится чей-то смех, потом — звук раз-

бившейся бутылки, по дороге змеится вереница машин, бесконечная красная лента габаритных огней, похожая на поток крови. Здесь всегда плотное движение, не говоря уже о шуме и суетлоке. Единственные более-менее спокойные часы — наверное, с трех до пяти утра, когда все пьяные уже завалились в кровать, повара из ресторанов сняли белые фартуки, а в пабах заперли двери. Тишину этих предрассветных часов время от времени нарушает шум проезжающих мимо автоцистерн, открывающейся на заре еврейской булочной дальше по улице и фургончиков развозчиков газет, которые бросают толстые кипы на тротуар. Я в курсе всех малейших движений города, потому что в этот час я не сплю.

Ну а пока город еще гудит. В «Белой лошади» гуляют засидевшиеся после закрытия хипстеры и жители Ист-Энда, кто-то громко ссорится на улице, а на другом конце Лондона городская больница общего профиля принимает больных, раненых и тех, кто с трудом продержался до утра. Но здесь, наверху, есть только воздух и темнота, и где-то высоко в небе совершает рейс Лондон—Пекин грузовой самолет службы «Федекс», а миллионы путешественников вроде мистера Любителя Скотча летят навстречу неизвестности.

— Восемнадцать месяцев. Целых восемнадцать месяцев. Так когда же все это закончится? — бросаю я в темноту. Ну вот, началось. Я чувствую, как во мне снова мутной волной вскипает непрощенная злость. Делаю пару шагов вперед, глядя себе под ноги. — Потому что это не похоже на жизнь. Это вообще ни на что не похоже. — Два шага. Еще два. Сегодня я дойду до угла. — Ты не дал мне чертовой новой жизни, раз-

ве не так? Конечно нет. Ты только сломал мою прежнюю жизнь. Разломал на мелкие кусочки. И что мне теперь делать с тем, что осталось? Когда я начну чувствовать... — Я раскидываю руки, покрытые от холодного воздуха мурашками, и понимаю, что снова начинаю плакать. — Будь ты проклят, Уилл! Будь ты проклят за то, что покинул меня!

Тоска накатывает приливной волной. Мощной, всепоглощающей. И когда я уже готова погрузиться в нее с головой, внезапно мне слышится чей-то голос:

— Не думаю, что вам следует тут стоять.

Я поворачиваюсь и вижу у пожарного выхода чье-то бледное личико, распахнутые темные глаза. От неожиданности я теряю равновесие, нога соскальзывает с карниза, тело всей тяжестью кренился в опасную сторону. Сердце падает куда-то вниз, а за ним — и я сама. И потом, точно в ночном кошмаре, я, совсем невесомая, лечу в темную пропасть ночи, ноги оказываются выше головы, я слышу пронзительный крик, возможно, свой собственный...

Треск...

И чернота.

Глава 2

Как тебя зовут, милая?
На шее фиксирующий воротник.
Чья-то рука осторожно ощупывает мою несчастную голову.

Я жива. Что на самом деле крайне удивительно.

— Вот так-то. Откройте глаза. А теперь посмотрите на меня. Посмотрите на меня. Вы можете назвать свое имя?

Я пытаюсь говорить, открыть рот, но мой голос получается каким-то сдавленным и абсолютно неразборчивым. Наверное, я прикусила язык. Во рту у меня кровь, теплая, с металлическим привкусом. Я не в состоянии пошевелинуться.

— Мы сейчас положим вас на специальную доску, хорошо? Будет немножко неудобно, но я вколю вам морфин, чтобы было легче переносить боль.

Голос мужчины звучит спокойно, словно нет ничего ненормального в том, что я лежу, как сломанная кукла, на холодном бетоне, устремив глаза в сумрачное небо. Мне хочется смеяться. Хочется объяснить им, какая нелепица, что я лежу здесь. Но я всего-навсего

очередная понтырщица в пижамных штанах, у которой все, кажется, пошло наперекосяк.

Лицо мужчины исчезает из поля зрения. Надо мной склоняется женщина в светоотражающей куртке, кудрявые темные волосы затынуты в хвост. Женщина направляет тонкий луч фонарика прямо мне в глаза и смотрит на меня с таким бесстрастным интересом, словно я не человек, а неизвестная науке особь.

— Мы можем ее увозить?

Я хочу что-то сказать, но меня отвлекает боль в ногах. Господи, говорю я, но не уверена, что произношу это вслух.

— Зрачки в норме и реагируют. Давление в норме, пульс девяносто при норме шестьдесят. Ей повезло, что она упала на тот тент. Интересно, насколько велики шансы приземлиться на шезлонг?.. Хотя мне не нравятся ушибы. — (Поток холодного воздуха на талии, легкое прикосновение прохладных пальцев...) — Внутреннее кровотечение?

— Нужна вторая бригада?

— Не могли бы вы немного отойти, сэр? Чуть-чуть назад?

Мужской голос:

— Я вышел перекурить, и она шлепнулась прямо на мой чертов балкон. Еще немножко — и свалилась бы на мою чертову голову.

— Значит, вам крупно повезло. А вот ей нет.

— Я до сих пор не могу оправиться от потрясения. Не так уж часто прямо с чертова неба на вас падают люди. Посмотрите на мое кресло. Я купил его за восемьсот фунтов в магазине у Конрана... Как думаете, я могу предъявить за него иск?

Короткая пауза.

— Как вам будет угодно, сэр. Я вам вот что скажу. Вы можете выставить ей счет за то, что пришлось отмывать ваш балкон от крови. И как вам такая идея?

Медик переводит глаза на коллегу. Похоже на путешествие во времени, у меня такое уже было. Я что, упала с крыши? Очень холодно лицу, и я понимаю, что меня трясет от озноба.

— Сэм, у нее начинается шок...

Где-то внизу отъезжает дверца фургона. Булочник? А затем доска подо мной начинает двигаться, и сразу же — больно, больно, больно! — все погружается во тьму.

Вой сирены и синий вихрь. Ох уж эти вечные лондонские сирены! Мы движемся. Отблески неоновых светов проникают в автомобиль «скорой помощи», исчезают и снова появляются, освещая неожиданно забитый салон и мужчину в зеленой униформе, который, введя какую-то информацию в телефон, начинает поправлять капельницу над моей головой. Боль уменьшилась — морфин? — но после восстановления мыслительных способностей на меня накатывает дикий ужас. Внутри медленно раздувается гигантская подушка безопасности, блокируя все остальное.

— Прогостите?

Мужчина сидит, упершись в стенку салона, и слышит меня только со второго раза. Он поворачивается и склоняется надо мной. От него пахнет лимоном, и он как-то неровно выбрит.

— У вас там все хорошо?

— Я это...

Мужчина наклоняется пониже:

— Простите. Из-за этой сирены ничего не слышно. Мы уже скоро будем в больнице. — Он накрывает

мою руку своей, сухой и теплой, что действует успокаивающе. И внезапно мне становится страшно, что он захочет убрать руку. — Держитесь. Донна, какое у нас расчетное время прибытия?

Я не могу говорить. Язык распух и не помещается во рту. Мысли расплываются и путаются. Интересно, а я шевелила руками, когда меня переносили в машину? Вроде бы я поднимала правую руку, так?

— Я это гарализована? — спрашиваю я шелестящим шепотом.

— Что? — Он практически прижимается ухом к моему лицу.

— Гарализована? Я это гарализована?

— Парализована? — Мужчина секунду колеблется, продолжая пристально меня изучать, затем поворачивается и переводит взгляд на мои ноги. — Вы можете пошевелить пальцами ног?

Я пытаюсь вспомнить, как правильно двигать ногой. Получается не сразу. Похоже, для этого нужно сосредоточиться сильнее обычного. Тогда медик наклоняется и слегка касается пальцев ноги, словно желая напомнить мне, где они находятся.

— Попробуйте еще раз. Вот так.

И сразу же обе ноги пронизывает жуткая боль. Судорожный вздох, скорее всхлип. Мой.

— Вы в порядке. Боль — это хорошо. Ручаться, конечно, не могу, но не думаю, что у вас задет позвоночник. Вы повредили бедро, ну и еще кое-что. — Его глаза прикованы к моим. Глаза у него хорошие. Кажется, он понимает, как мне нужны слова ободрения. Его рука по-прежнему лежит поверх моей. Я никогда еще так сильно не нуждалась в тепле простого человеческого прикосновения. — Правда. Я практически уверен, что вы не парализованы.

— О, злава бозу, — словно издалека слышу я свой голос. Глаза наполняются слезами. — Пжалуйста, не одпузкайте беня.

Он придвигает лицо совсем близко к моему:

— Я вас не отпущу.

И я хочу что-то сказать, но его лицо расплывается, и меня снова окутывает чернота.

Уже после мне рассказали, что я, пролетев вниз два этажа из пяти, закончила свой полет сперва на натянутом над балконом тенте, а затем — на плетеном шезлонге с водонепроницаемыми подушками, принадлежащем мистеру Энтони Гардинеру, адвокату в области авторских прав и моему соседу, с которым я ни разу не встречалась. Я сломала бедро, два ребра и ключицу. А еще два пальца на левой руке и плюсневую кость, которая проткнула кожу и торчала прямо из ноги, напугав до обморока одного из студентов-медиков. Мои рентгеновские снимки завораживают врачей. У меня в ушах до сих пор стоят слова пользовавшего меня парамедика: «Никогда не знаешь, что может случиться, когда упадешь с большой высоты». Да, мне явно здорово повезло. Они твердят мне это и ждут, улыбаясь, что я, наверное, отвечу им такой же широкой улыбкой или, возможно, даже на радостях исполню чечетку. Но я не чувствую себя везучей. Я вообще ничего не чувствую. Я дремлю и просыпаюсь, когда над головой вспыхивают ослепительные огни операционной, а затем снова оказываюсь в тиши палаты. Лицо медсестры. Обрывки разговоров.

Ты видела, какую грязь развела старуха из палаты D4?

Ты ведь работаешь в больнице Принцессы Елизаветы, да? Можешь передать им, что мы знаем, как

управлять отделением неотложной помощи. Ха-ха-ха-ха-ха!

А теперь, Луиза, отдыхай. Мы обо всем позаботимся. Просто отдыхай.

От морфина хочется спать. Они увеличивают мне дозу, и я радуюсь прохладной струйке забвения.

Я открываю глаза и вижу в ногах кровати маму.

— Она проснулась. Бернارد, она проснулась. Как думаешь, нам позвать медсестру?

Она изменила цвет волос, отстраненно думаю я. А затем: ой! это же мама. Но ведь мама со мной не разговаривает.

— О, слава богу! Слава богу! — Мама дотрагивается до крестика на шее. Этот жест мне о ком-то напоминает, но вот о ком — я не знаю. Она легонько гладит меня по щеке. И по какой-то непонятной причине глаза у меня тотчас же наполняются слезами. — О моя маленькая девочка! — Она наклоняется ко мне всем телом, словно желая заслонить от грядущих опасностей. Я чувствую до боли знакомый запах ее духов. — О Лу! — Она вытирает мне слезы бумажным платком. Я не в силах пошевелить рукой. — Когда мне позвонили, я до смерти испугалась. Тебе очень больно? Ты что-нибудь хочешь? Что я могу для тебя сделать? — Она так тараторит, что я не успеваю вставить ни слова. — Мы сразу приехали, как только узнали. Трина присматривает за дедушкой. Он посылает тебе привет. Он типа просто издает какие-то звуки, ну ты понимаешь, но мы-то знаем, что он хочет сказать. О моя девочка, как, ради всего святого, ты попала в такую передрыгу? И о чем, ради всего святого, ты только думала? — Похоже, она вовсе не ждет от меня от-

вета. Все, что мне надо делать, — это спокойно лежать. Мама вытирает глаза сперва себе, затем мне. — Ты все еще моя девочка. И я не пережила бы, если бы с тобой что-нибудь случилось, а мы бы по-прежнему не... Ну, ты понимаешь.

— Нгет... — Я давлюсь словами. Язык заплетается. Точно у пьяной. — Нгет, я не гхотела...

— Я знаю. Лу, ты поступила так жестоко. Я не могла...

— Не сейчас, милая, хорошо? — трогает ее за плечо папа.

Мама замолкает. Отворачивается и смотрит в пустоту перед собой, затем берет меня за руку:

— Когда нам позвонили... Ох! Я испугалась, что ты... — Она снова хлюпает носом, прижимая платок к губам. — Бернард, слава богу, что она в порядке!

— Конечно в порядке. Она сделана из резины, эта крошка. Да?

Очертания папиной фигуры расплываются перед глазами. Последний раз мы говорили с ним по телефону два месяца назад, но не виделись целых восемнадцать месяцев, а именно со дня моего отъезда. Папа выглядит огромным и очень родным, а еще отчаянно уставшим.

— Пгостите, — шепчу я. Ничего другого в голову не приходит.

— Да ладно тебе! Мы просто рады, что ты в порядке. Хоть ты и выглядишь так, будто провела шесть раундов с Майком Тайсоном. Ты здесь хоть раз смотрела на себя в зеркало? — (Я качаю головой.) — Помнишь Терри Николлса? Ну того самого, что перелетел через велосипед перед «Минимартом»? Так вот, если убрать усы, ты точь-в-точь как он. И в самом деле... — Папа

Мойес Дж.

М74 После тебя : роман / Джоджо Мойес ; пер. с англ. О. Александровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-389-10306-1

Что ты будешь делать, потеряв любимого человека? Стоит ли жить после этого?

Теперь Лу Кларк не просто обычная девчонка, живущая обьденной жизнью. Шесть месяцев, проведенных с Уиллом Трейнором, навсегда изменили ее. Непредвиденные обстоятельства заставляют Лу вернуться домой к своей семье, и она поневоле чувствует, что ей придется все начинать сначала.

Раны телесные залечены, а вот душа страдает, ищет исцеления! И это исцеление ей дают члены группы психологической поддержки, предлагая разделить с ними радости, печали и ужасно невкусное печенье. Благодаря им она знакомится с Сэмом Филдингом, врачом «скорой помощи», сильным человеком, который знает о жизни и смерти все. Сэм оказывается единственным, кто способен понять Лу Кларк. Но сможет ли Лу найти в себе силы вновь полюбить?..

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДЖО МОЙЕС
ПОСЛЕ ТЕБЯ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Светлана Федорова

Подписано в печать 30.10.2019. Формат 84 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 28,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-УДМ-18334-15-Р